

УДК 94(470.47)

РОЛЬ КАЛМЫКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАЛМЫЦКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920-е гг.

Эрднеева Баина Анатольевна

студент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Российская Федерация
E-mail: bainabaina06@mail.ru

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Российская Федерация
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В представленном научном исследовании рассматривается история появления калмыков в российских губерниях и областях, их повседневная жизнь вне пределов Калмыцкой степи, как в имперский период, так и в первые послереволюционные годы. Сделана попытка проанализировать многолетний социально-хозяйственный опыт, накопленный ими в ходе длительного проживания в других российских регионах, сыгравший впоследствии, после перекочевки и переезда в Калмыцкую автономную область в начале и середине 1920-х гг., немаловажную роль в социально-экономическом развитии степного региона. Исследуются причины, вызвавшие стихийную перекочевку в КАО в годы голодного бедствия калмыков, проживавших в других местностях Российской империи. Рассматриваются мероприятия советской власти по организованному переезду групп калмыцкого населения в КАО в 1920-е гг. Им пришлось практически на голом месте строить и обустраивать свою жизнь, приспособливаться к непривычным природно-климатическим условиям территории. Государственная помощь финансового и материального порядка, поддержка соплеменников в КАО помогла калмыкам-переселенцам быстрее и менее безболезненно адаптироваться к новым условиям проживания. Калмыки-переселенцы с первых дней после переезда в КАО стали активно участвовать в процессе коренного переустройства политической и социально-экономической систем калмыцкого общества, приобщения своих соплеменников к оседлому образу жизни, новым формам хозяйствования. Сегодня большинство их потомков живут и работают в Республике Калмыкия — равноправном субъекте Российской Федерации.

Ключевые слова

Донские, терские, ставропольские, астраханские, оренбургские калмыки, Калмыцкая степь, Калмыцкая автономная область, Больше-Дербетовский улус, переселение, природно-климатические факторы.

UDC 94(470.47)

THE ROLE OF KALMYK SETTLERS FROM THE RUSSIAN GUBERNIES IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KALMYK AUTONOMOUS REGION IN THE 1920s

Erdneeva Baina Anatol'evna

student, II course, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: bainabaina06@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Badmaeva

Doctor of History Associate Professor, Director, International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”
of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

The presented scientific study examines the history of the emergence of Kalmyks in Russian provinces and regions, their daily life outside the Kalmyk steppe, both in the imperial period and in the first post-revolutionary years. An attempt is made to analyze the many years of socio-economic experience accumulated by them during their long residence in other Russian regions, which later, after migrating and moving to the Kalmyk Autonomous Region in the early and mid-1920s, played an important role in the socio-economic development of the steppe region. . The reasons that caused the spontaneous migration to the KAO during the famine years of the Kalmyks living in other areas of the Russian Empire are investigated. The measures taken by the Soviet authorities on the organized relocation of groups of the Kalmyk population to the KAO in the 1920s are considered. They had to build and equip their lives almost from scratch, adapt to the unusual natural and climatic conditions of the territory. State assistance of financial and material order, support of fellow tribesmen in the KAO helped the Kalmyk migrants to quickly and less painlessly adapt to new living conditions. Kalmyk migrants from the first days after moving to KAO began to actively participate in the process of radical restructuring of the political and socio-economic systems of Kalmyk society, introducing their fellow tribesmen to a settled way of life, new forms of management. Today, most of their descendants live and work in the Republic of Kalmykia, an equal subject of the Russian Federation.

Keywords

Don, Terek, Stavropol, Astrakhan, Orenburg Kalmyks, Kalmyk steppe, Kalmyk autonomous region, Bolshe-Derbetovsky ulus, resettlement, natural and climatic factors.

ВВЕДЕНИЕ

В имперский период несколько групп калмыков проживали вне территории Калмыцкой степи. Их появление в разное время в тех или иных российских губерниях было обусловлено разными причинами. Так, например, отдельные представители калмыцких родов остались жить в иноязычном окружении еще со времен «великого кочевья» из Джунгарии, оторвавшись от основной массы этноса, ведомой ханом Хо-Орлюком. Таким образом, к примеру, в первой половине XVII в. появились в Донском крае кочующие калмыки, расселившиеся по берегам реки Донец (Бузын) (Алексеева, 1997). В 1670 г. на Дон перекочевал улус торгутовского тайши Бока (Гучинов, 1968: 90). В имеющихся исторических источниках нет сведений о том, откуда калмыцкий тайша появился в тех краях: примкнул ли он со своими соплеменниками по пути из Джунгарии или перекочевал из Калмыцкой степи вследствие жестких, междоусобных распрей, случавшихся нередко между владельцами калмыцких родов, вызванных в большинстве случаев нехваткой пастбищных земель, а также личными неприязненными отношениями между ними. В подобных ситуациях официальным российским властям оставалось только констатировать факты поселения калмыков в той или иной местности и воспринимать их как произошедшую реальность.

Многие калмыцкие рода после ухода в другие местности вновь возвращались в ставшую родную для них Калмыцкую степь. В исторической литературе приводится немало свидетельств и умозаключений разного рода чиновников и ученых о причинах кочевок номадов, которые неоднократно случались с ними, в частности, с дербетовскими калмыками. Так, например, астраханский губернатор Н.А. Бекетов, сообщая в своем донесении Екатерине II от 9 февраля 1764 г. о том, что «до тысячи семей калмыков бежали из ставропольского поселения», назвал две основные причины возвращения калмыков в прежние места кочевий: «неблагоприятный климат и ностальгия по родным местам» (НА РК. Ф. 34. Оп. 2. Д. 326. Л. 36-41).

Ссылка на неблагоприятный климат, на наш взгляд, вряд ли уместна, так как природно-климатические условия кочевий в Калмыцкой степи не сильно разнились от «ставропольского поселения», если и отличались, то скорее в худшую сторону. Ставропольские земли были более богаты кормовыми пастбищами, чем прежние кочевья дербетовских калмыков, да и климат территории не столь резко континентальный, как в основной части Калмыцкой степи. В ставропольском регионе выпадало больше осадков в виде дождей и снега, что положительно влияло на рост травостоя пастбищ. На его территории было немало рек, озер, природных водоемов и других естественных источников, что позволяло крестьянам поить сельскохозяйственных животных, пасти их недалеко от своих поселений и не совершать дальние, длительные кочевки. Что касается присутствия у кочевников чувства «ностальгии по родным местам», то, безусловно, привязанность к прежним местам обитания характерна почти для каждого индивидуума, этноса и отдельных его групп. Кроме тех причин, о которых говорил астраханский губернатор, есть еще и другие: надо сказать, что беглым калмыкам зачастую приходилось возвращаться на старые

кочевья по требованию калмыцких ханов, ссылавшихся на заключенные соглашения с царским правительством о невозможности привлечения ханских подданных на государеву службу без согласования с ними.

Тем не менее, царская администрация не оставляла всяческих попыток переселить группы калмыков в отдельные местности империи для защиты ее южных и юго-восточных границ. Переезд калмыков производился как по согласованию с ханской властью, так без этого, при этом открыто игнорировались или умело обходились имеющиеся договоренности, тем самым владельцев улусов ставили перед фактом. Пополнение калмыками казачьих войск осуществлялось специальными указами царской администрации, а также за счет прибывших на казачьи земли беглых соплеменников из Джунгарии, Калмыцкого ханства, казахского плена.

Часть калмыцкого населения поселилась в российских регионах в порядке исполнения Именного указа Сената от 11 сентября 1740 года «Об отправлении Архимандриту с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христианскому закону и о преимуществах, новообращенным дарованных». Пунктом № 8 сего документа инородцам, в том числе калмыкам, выделялись «меж Саратовом и Царицыном удобные к поселению их (*инородцев* — Б.Э., Е.Б.) места, которые до сего времени в дачу казакам и другим никому не отданы, и отмежевать пашенной земли и покосов и прочих всяких угодий» (Полное собрание законов Российской империи, 1830: 248).

Земли калмыкам и другим инородцам предоставлялись на условиях принятия ими христианства. Крещеным калмыкам выделялись финансовые средства на первоначальное устройство. Выплаты им производились дифференцированно, исходя из знатности человека и его положения в обществе. Родовитые калмыки получали больше финансовых и материальных выплат, чем их бедные сородичи, которым на каждую семью давали всего лишь по одной лошади и немного семян злаковых культур на сев. От знатности происхождения зависели и различного рода земельные преференции. К примеру, княгине А. Тайшиной специальным решением властей выделялось «сенных покосов на выпуск на 1000 копен, под гумна длиннику 300, поперечнику 150 сажень, под дворы, огороды и лесных угодий или на лесные угодыя земли, но пропорции пашни; зайсангам сенных покосов по 200 копен, под дворы и огороды в длину по 60, поперек по 30 сажень каждому; урядникам, рассыльщикам, толмачам и калмыкам под пашню по 20 четвертей в поле, по 100 копен, под дворы и огороды земли в длину по 30, поперек по 15 сажень» (Орлова, 2005: 154).

Подвластные княгини А. Тайшиной расположились в окрестностях крепости Ставрополь, на Волге, недалеко от города Самары, вошли в состав казачьего Ставропольского Войска, сформированного в 1739 г. в административном порядке царским правительством. В 1756 г. из калмыков было создано особое Ставропольское калмыцкое войско, которое уже в то время было в состоянии ежегодно выставять на действительную службу 300 казаков. В 1760 г. в состав национального казачьего подразделения вошли освобождённые из киргизского плена 1 765 калмыков (джунгаров) (Савельев, 1913: 2–3). В 1802 г. калмыки могли из своих рядов выставить на службу уже больше 800 чел. (Джунджужов, Любичанковский, 2019: 129).

В связи с упразднением в 1842 г. Ставропольского калмыцкого Войска, калмыки-казаки с семьями были переведены и зачислены в Оренбургское казачье Войско.

Прожили они в основном в северо-восточной части территории Оренбургского казачьего войска, в казачьих поселениях с людьми других национальностей. Совместное проживание давало калмыкам возможность научиться русскому языку и пользоваться им как языком межнационального общения, быстрее адаптироваться в иноязычном окружении. В одно время численность оренбургских калмыков вместе с небольшой группой калмыков, поселившихся в середине XVIII в. в Бузулукском уезде Оренбургской губернии, составляла свыше десяти тысяч человек. Однако со временем численность калмыцкого населения Оренбуржья заметно сократилась. Первая всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала в губернии 1204 калмыка. К 1915 г. их численность составляла всего лишь 978 чел. (Джунджужов, Любичанковский: 136).

В 50–60-е гг. XVIII в. в специально построенных станицах Лебяжинская, Сероглазовская, Замьяновская губернские власти по распоряжению правительства поселили вместе с астраханскими казаками и калмыков. Номады несли службу в Астраханском войске, которое подчинялось гражданским губернским властям, периодически пополнялось за счет новобранцев из Калмыцкой степи. Астраханский губернатор А. Бекетов лелеял надежду, что в процессе совместного проживания казаки обучат калмыков навыкам оседлой жизни, земледелия. Но калмыки по-прежнему разводили скот, вели кочевой образ жизни. Губернские власти поняли, что для реализации поставленной цели перевода калмыков на оседлость необходимо предоставить им дворовые места, что было сделано в 1872 г. атаманом Гулькевичем. Со временем астраханские калмыки обустроились в казачьих станицах, обзавелись домами, в которых в основном проживали в зимнее время, а летом многие из них продолжали жить как обычно в войлочных кибитках. Тем не менее к началу XX в. основная масса калмыков Астраханского казачьего войска перешла на оседлость и стала заниматься выращиванием зерновых и овощеводческих культур, отчасти рыболовством.

Самая многочисленная из калмыцких диаспор вне территории Калмыцкой степи — калмыки Дона. Мы уже говорили о том, что на донских землях еще в XVII в. стали проживать калмыцкие рода, кочевавшие вместе с Хо-Орлюком из Джунгарии, а также перманентно прибывавшие из калмыцких степей беглые крестьяне. В 1710 г. подвластные калмыки торгутского владельца Чимета и дербетовского владельца Четыря в количестве 10 тыс. человек по приказу Аюки-хана прибыли к донским казакам для несения охранной службы и защиты южных границ от набегов кубанцев. Все они после окончания службы также остались проживать на донских землях. В 1731 г. калмыки, перешедшие на Дон, вошли в состав населения Войска Донского, стали подчиняться Управлению войскового казачества. С 1891 г. донские калмыки в правовом отношении были приравнены к казачеству Дона и стали строить гражданско-бытовые отношения по образцу Донского казачества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В статье в качестве методологического подхода выбрана теория модернизации, охватывающая все стороны социального и культурного развития калмыцкого этноса. Подобный выбор обусловлен тем, что теория модернизации позволяет оценить и систематизировать различные факты, тенденции и процессы в развитии отдельных

групп калмыцкого народа, проживавших в других губерниях Российской империи, дает возможность рассмотреть вклад калмыков-переселенцев в социально-экономическое развитие степного региона и их содействие в деле приобщения номадов Калмыцкой степи к новым формам хозяйствования, оседлому образу жизни. Нами взят временной период 1920-х гг., представлявший собой эпоху реализации в Калмыцкой автономной области своеобразного варианта догоняющей модернизации, основанного на трансформации традиционных его институтов.

Принцип историзма, применяемый в исследовании, позволил рассмотреть историю групп калмыцкого населения, проживавших вне Калмыцкой степи, в ее развитии и взаимосвязи с историей всего калмыцкого народа. Принцип историзма дал возможность выявить количественные и качественные изменения в социальной жизни и хозяйстве калмыков на протяжении первого послеоктябрьского десятилетия.

ОБСУЖДЕНИЕ

Истории появления калмыков на территории российских губерний косвенно касались в своих работах Н. И. Веселовский (1888: 365–370), А. И. Добромислов (1900), Пальмов Н. Н. (1992) и др. Изучению же повседневной жизни отдельных групп калмыцкого населения в российских регионах в отечественной историографии посвящено не так много работ, хотя есть и счастливые исключения — работы К. П. Шовунова (1992), К. Н. Максимова (2016), С. В. Джунджузова (2014).

К 1924 г. — началу организованного переселения групп калмыцкого населения в Калмыцкую автономную область — их численность в целом значительно сократилась. Касаясь основных причин сокращения численности калмыцкого населения, в частности, в Оренбургской губернии, А. Е. Алекторов предположил, что одной из причин высокой смертности среди представителей трудоспособных возрастов этой группы этноса явился резкий переход от привычного полукочевоего образа жизни к оседлости и принудительному земледелию. Однако автор, делая подобный вывод, не привел в своей работе ни прямых, ни косвенных доказательств влияния изменений в трудовой деятельности и образе жизни на снижение численного состава оренбургских калмыков. Этот же автор причиной слабой деторождаемости местных калмыков считал плохие бытовые условия проживания и некачественное питание, что также, на наш взгляд, не бесспорно (Материалы..., 1877: 135–137). Известный русский исследователь А. М. Позднеев видел причину падения рождаемости среди оренбургских калмыков в заметном преобладании по численности мужчин над женским полом, постоянном кровосмешении и ранних браках, негативно влиявших на физическое и психическое здоровье новых поколений калмыков (Джунджузов, Любичанковский, 2019: 129).

В 1897 г., по данным Всероссийской переписи населения Российской империи, на Дону проживало 31992 калмыка (Митиров, 1998: 26). По переписи населения 1920 г., всего калмыков на Дону осталось 10750 чел., т.е. численность донских калмыков за четверть века сократилась почти втрое (Шевченко, 2019). Резкое падение численности калмыков, в особенности донских, произошло, на наш взгляд, вследствие их активного участия в составе казачьих частей в военных кампаниях царской армии, крестьянских войнах, Первой мировой войне и в особенности в

братоубийственной гражданской войне (1918–1920 гг.). Роковую роль, безусловно, сыграл голод 1921-1922 гг., ставший причиной значительного сокращения численности калмыков, живущих в других регионах империи, обусловивший поспешный, стихийный переезд части калмыков в Калмыцкую автономную область.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Не углубляясь глубоко в историю и географию расселения отдельных групп калмыцкого населения вне Калмыцкой степи в дореволюционный период, скажем, что территория их кочевания в отдельные времена «простиралась от Урала на востоке и до северной части Ставропольского плато, от Кумы и северо-западного побережья Каспийского моря на юге и до нижнего течения рек Хопер и Медведица на севере и верховья реки Самары на северо-востоке» (Бадмаева, Эрднеева, 2022: 111). Основной обязанностью служивых калмыков в разных российских регионах являлась сторожевая служба, а также доставка почты, охрана обозов. После завершения государственной службы калмыки–казаки занимались сельскохозяйственным производством, в основном скотоводством, отчасти, по примеру окружающих их соседей, земледелием. Калмыки добровольно исполняли казацкую службу за предоставление кочевий и право торговли в местах их проживания. Проводимая властями имперская политика аккультурации способствовала положительному восприятию ими казачьего уклада.

К началу XX в. калмыки–казаки проживали в стационарных постройках, оседло, совместно с казаками в хуторах, а также в отдельных национальных поселениях. Со временем калмыки сумели адаптироваться к местным обычаям и здешним природно-климатическим условиям, обучились у коренных жителей новым для себя ремеслам, освоили занятие торговлей, различные промыслы. Так, например, среди донских калмыков 1 сотни Верхнего улуса (Харьковской сотни) в середине XIX в. имелись 30 коннозаводчиков, 47 хлебопашцев, 381 табунщик. Крестьяне-калмыки содержали 3772 лошади, 14948 овец, 6754 крупного рогатого скота (Маслаковец, 1872: 4–5).

Калмыки, проживавшие среди казачьего населения, крайне редко вступали в межнациональные браки, сумели сохранить свою этническую идентичность, язык, обычаи, национальную культуру, продолжали соблюдать все буддийские каноны. Более того, в первом десятилетии XX в. многие представители этноса, принявшие на определенном историческом этапе православие, стали менять вероисповедание и возвращаться к многовековой духовной вере своих предков — буддизму.

Калмыки–казаки научились хорошо говорить на русском языке, их дети проходили обучение в казачьих школах. Грамотность среди них была на порядок выше, чем у их соплеменников в Калмыцкой степи: к примеру, «четвертая часть калмыков, проживавших в Оренбургской губернии, — 239 лиц мужского пола и 39 женского — умели читать и писать по-русски» (Первая всеобщая перепись, 1904: 75), тогда как неграмотность среди калмыков Астраханской губернии к началу XX в., по подсчетам проф. К. Н. Максимова, достигала лишь 91,7% (Максимов, 2017: 14).

Миграции калмыков в другие районы Российской империи, за исключением несения охранной службы на ее юго-восточных границах, носили вынужденный характер, о чем мы говорили выше. Особенно интенсивный характер приняли

перекочевки калмыков из Калмыцкой степи после середины XVIII в., когда часть крестьянства центральных российских регионов, испытывающая серьезный земельный голод, ринулась осваивать юго-восточные земли империи.

Переселенческий процесс внутри регионов продолжился и в XIX в., в частности, в Калмыцкую степь хлынул значительный поток русских, украинских, немецких, эстонских крестьян из центральных российских регионов. Правительство не до конца просчитало пагубные последствия колонизационной политики в Калмыцкой степи, считая, что территория, занимаемая номадами, располагает достаточным количеством «свободных земель», на которых пришлые крестьяне могли бы заняться хлебопашеством. Надо отметить, что у скотоводов и земледельцев исторически существовало разное понимание «ценности» земли. Земля для кочевых народов имела практическое значение, в первую очередь, как естественное пастбище для скота. Для оседлых крестьян земля воспринималась как территория, необходимая для засева зерновых, овощных, фруктовых и иных культур. В этом плане не будет преувеличением сказать, что история человечества — это не что иное, как столкновение двух цивилизаций, двух культур, двух способов хозяйствования. Новоприбывшие в Калмыцкую степь крестьяне занимали в основном лучшие плодородные земли с богатыми водными ресурсами, природными питьевыми родниками, обустроенными колодцами и пр. Таковой земли на новой территории всем пришлым крестьянам естественно не хватило, и они были вынуждены селиться в более сухой части Калмыцкой степи, заниматься по большей части скотоводством, составляя конкуренцию местным крестьянам. Правительство поощряло самовольный захват калмыцких земель, зачастую становилось на сторону пришлых крестьян в часто случавшихся земельных конфликтах, тяжбах с кочевыми скотоводами, чем вызывало справедливое недовольство последних. В конечном итоге, в результате экспроприации и самовольного захвата пастбищ калмыцких скотоводов ощутимо сузились их пастбищные угодья, что негативно сказалось на состоянии их скотоводческих хозяйств, на уменьшении численности поголовья кочевнического скота. Вследствие этого часть калмыков в поисках свободных пастбищных земель была вынуждена перекочевать на другие российские территории. Это была, к сожалению, обратная сторона во многом бездумной колонизационной политики Российской империи. По замыслу ее правительства, с помощью перекочевавших в Калмыцкую степь русских, украинских крестьян в перспективе предполагалось ускорить процесс перехода кочевых калмыков на оседлый образ жизни, главным образом, через приобщение номадов к земледельческому труду.

В этой связи можно утвердительно сказать, что правительственный замысел в какой-то степени удался, так как в Калмыцкой степи к первому десятилетию XX в. сотни кочевников, в особенности в ее западных районах, стали под влиянием пришлых русско-украинских крестьян вести смешанное хозяйство, сочетая скотоводство и хлебопашество. Даже были и такие хозяева, кто перешел чисто на земледельческий труд. Но более успешно освоили новые формы хозяйствования и перешли к оседлости группы калмыцкого населения, проживавшие долгое время в иноязычном окружении в ряде российских регионов. Именно через них пришедшие к власти большевики посредством прямого влияния на номадов Калмыцкой степи

предполагали в ускоренном порядке решить проблему седентаризации и приобщения к хлебопашеству калмыков, проживавших непосредственно в Калмыцкой автономной области.

Впервые вопрос об организованном переселении соотечественников на публичном уровне в советское время был поставлен на первом общекалмыцком съезде Советов 4 июля 1920 г. В работе съезда принимали участие, кроме улусов Калмыцкой степи, представители донских калмыков, Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, Кумского аймака Терской области. На утреннем заседании четвертого дня съезда был поставлен вопрос о выборе Комиссии по определению условий присоединения к Калмыцкой степи калмыков Большедербетовского улуса, Донской области, Кумского аймака Терской области. Принятая на народном форуме «Декларация прав трудового калмыцкого народа» провозгласила объединение всех разрозненных частей калмыцкого народа в одну административно-хозяйственную единицу — Автономную область калмыцкого трудового народа в составе РСФСР.

13 июля 1921 г. Наркомнац обратился во ВЦИК с просьбой санкционировать присоединение сальских калмыков к Автономной области калмыцкого трудового народа. Большедербетовский улус официально был передан из Ставропольской губернии в состав Калмыкии. ВЦИК и СНК приняли постановление о границах Автономной области калмыцкого народа.

Декретом № 490 Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Советов Народных Комиссаров в состав Автономной области Калмыцкого народа включались: из Астраханской губернии — улусы Багацохуровский, Икицохуровский, Хошеутовский, Харахусовский, Эркетеневский, Малодербетовский (за исключением аймаков Червленского и Северного, которые были включены в Черноярский уезд), Яндыко-Мочажный, Манычский и улус Калмыцкий Базар, все волости и станицы Черноярского уезда Царицынской губернии, лежавшие к югу от Абганеровской и Аксайской волостей: Садовая, Обильная, Киселева, Заветная, Торговая, Валуевка, Ремонтная, Кресты, Кормовая, Приютное, Элиста, Булган, Керюльта и Уланское; из Ставропольской губернии — Большедербетовский улус за исключением Яшалтинской волости и поселка Князь-Михайловского; из Донской области — часть территории Сальского округа, связывавшая Большедербетовский улус с основной территорией Калмыцкой области и расположенная между губернскими границами Ставропольской и Астраханской губерний и параллельно 46°30 Пулковского меридиана, так называемый Донской треугольник; из Терской области — Кумский аймак (Собрание узаконений, 1943: 703–704).

В порядке добровольного переселения калмыкам Оренбуржья, Дона, Урала и Терека съезд предложил переселиться на территорию калмыцких степей. Однако идея организованного переселения групп калмыков в только что провозглашенную Калмыцкую автономную область не всем пришлась по душе. 5 августа 1920 года сторонники Х. Канукова, вразрез с решениями первого съезда калмыцкого народа, создали в станице Великокняжеской I съезд Советов калмыков Сальского округа, который принял решение об отказе от вхождения в состав Калмыцкой автономной области большей части сальских станиц, хотя жители 4 станиц (Потаповская, Чунусовская, Беляевская, Эркетинская) вынесли приговоры о желании, чтобы их станицы присоединились к Калмыцкой автономной области. Созванный в скором

времени II съезд Советов калмыков Сальского округа не смог принять решение о присоединении сальских станиц к КАО (за вхождение в состав автономии калмыков проголосовало 20 делегатов, против – 21) (Кринко, 2022: 91).

Желание донских калмыков остаться под прежней юрисдикцией подкреплялось такими существенными факторами, как компактность проживания, эффективная система казачьего самоуправления, «обжитость» территории, прочно налаженные в регионе деловые и хозяйственные связи, относительная удовлетворенность своим социально-экономическим положением, возможность получения образования на калмыцком языке, изучения основ буддизма и пр. В этом плане донские калмыки имели определенные преимущества перед сравнительно малочисленными группами калмыцкого населения других российских губерний.

В малых локальных группах более сильно проявлялось стремление к объединению с основной частью своего этноса. К примеру, кумские и терские калмыки жили в большем в количественном отношении иноязычном окружении, чем донские калмыки. Малые локальные группы чувствовали себя менее комфортно психологически ввиду того, что окружавшее их славянское население оценивало себя как доминантную культурную группу, а иноязычное, иноконфессиональное окружение воспринимало как культурную периферию. Культурная дистанция между местным русским и пришлым иноэтничным населением была довольно устойчивой и проявлялась в восприятии представителей этнических меньшинств, например, калмыков, как «инородцев», отличающихся по многим параметрам от местного казачьего населения.

Проживая в моноэтничном социуме, калмыки ощущали себя «чужаками», им редко удавалось в него полноценно встроиться. Отсюда и обостренное чувство социальной справедливости, ощущение «неполноценности», неумная тоска по «прежнему Отечеству» и пр. Не этим ли объясняется то обстоятельство, что малочисленная «кумская» группа калмыков была в первых рядах желающих возвратиться в лоно Калмыцкой степи. По переписи 1917 г., их насчитывалось всего более 2 тыс. человек. 16 июля 1920 г. на народном собрании кумские калмыки первыми после прошедшего накануне съезда калмыцкого народа выразили желание переехать в Большедербетовский улус, которое было чуть позже удовлетворено центральными властями (Саврушева, 2004: 123).

В 1921 г., в условиях голодного бедствия, общей хозяйственной разрухи в стране, в Калмыцкую автономную область стали стихийно переселяться калмыки, находившиеся вне ее пределов. В отчете Поволжской Колонизационно-Мелиоративной экспедиции отмечалось, что «переселенцы шли из Терской, Уральской, Донской областей и из Оренбургской губернии» (ГАСО. Ф. Р-841. Д. 60. Л. 31об). В указанном выше году в КАО переехали 12,5% от общего числа калмыков, проживавших в других регионах России. В 1922 г. — 25,1%, в 1923 г. — 30%. Самый большой процент калмыков, прибывших в КАО из других территорий, отмечен в 1924 г. — свыше 31%. В разрезе по губерниям и областям общая картина стихийно переехавших калмыков выглядела следующим образом: переселилось из Донской области — 962 семьи, или 78% от общего числа; из Оренбургской губ. — 78 семей, или 6,5%; Терской области — 137 семей, или 11%; Уральской — 48 семей, или 4% (ГАСО. Ф. Р-841, Оп.1 Д. 19. Л. 2). Специалистами Поволжской Колонизационно-Мелиоративной

экспедиции были обследованы 499 переехавших калмыцких семейств, ответившие на самые разнообразные вопросы специально подготовленной анкеты. Среди причин, побудивших к переезду, новоприбывшие в КАО калмыки назвали следующие: «стремление к национальному объединению» — 47, 6%; «бандитизм» — 12, 6%; «голод и разорение хозяйств» — 19, 8%; «отсутствие земли» — 6,3%; «пошли за своими» — 7,0%. «Гнет со стороны киргизов» ощутили на себе калмыки, проживавшие в местах компактного обитания казахского населения — 5,4 %, тогда как «гнет со стороны русских» назвали побудительной причиной переезда 1,1% опрошенных калмыков; у донских калмыков данный показатель почти втрое меньше — всего 0,4%. Малая доля процента среди калмыков, практически не ощущавших притеснения со стороны преобладающего русского населения, лишний раз свидетельствует о достаточно гармоничном развитии межнациональных отношений в местах их прежнего проживания. Среди донских калмыков высок процент тех, кто согласился на переселение из-за «стремления к национальному объединению» (58,5%). «Голод, приведший к разорению хозяйства» назвали причиной переезда 32,0% опрошенных респондентов (там же, л. 23). Первый показатель в ответах переехавших в КАО донских калмыков говорит о высоком чувстве ответственности в целом за этнос, присущем им, второй — о сложном хозяйственном положении, в котором оказались они в первые послереволюционные годы.

Часть калмыков и русского населения, проживавшая в Ставропольской губернии, из-за неурожая вынуждена была двинуться «в поиски за хлебом в соседние области». О снижении численности населения и сильно ухудшившемся положении хозяйств говорит следующая таблица, приведенная в этом же статическом обследовании региона (РСФСР. Центральное статистическое управление, 1923: 4, 6).

Количество населения	уменьшилось	на 4,5%
Количество лошадей	уменьшилось	16,%
Количество рабочих лошадей	уменьшилось	23,7%
Количество рабочих волов	уменьшилось	7,2%
Количество коров	уменьшилось	8,3%
Количество овец	уменьшилось	13,3%
Всего скота	уменьшилось	5,8%

В итоговом отчете Поволжской Колонизационно-Мелиоративной экспедиции в Поволжье названы два основных фактора, тесно взаимосвязанных между собой, обуславливающих необходимость организованного и планового внутрирайонного переселения крестьян в СССР. Первый из них — «крайняя земельная теснота» в густозаселенных российских районах, «изжить которую представлялось возможным лишь при открытии планового и организованного переселения в районы, обладающие свободными землями». Второй фактор — решение стоящей перед властями задачи освоения «большого количества свободных земель, образовавшихся из огромных площадей, бывших казенных оброчных статей, частновладельческих и войсковых запасных казачьих и офицерских земель». Таковые земли, по мнению членов экспедиции, имелись в губерниях Поволжского района: Самарской, Саратовской,

Сталинградской, Астраханской, а также в Калмыцкой области, представлявших собой, по их словам, «малообжитые районы с редким и разбросанным на больших территориях населением, которое ведет экстенсивное хозяйство и применяет хищнические методы использования земель» (НКЗ Поволжская Колонизационно-Мелиоративная экспедиция, 1925: 2).

Именно в эти регионы в 1920–1930-е гг. советское правительство решило направить основной поток безземельных крестьян из европейской части СССР. Суть переселенческой политики советского государства в КАО в этот период заключалась не только и не столько в освоении свободных земель автономии, а в необходимости проведения специальных государственных мероприятий, направленных на «собрание» отдельных разрозненных частей калмыцкого народа в границах одной территории — Калмыцкой автономной области. В этом как раз и состояла отличительная специфика переселенческой политики советской власти в национальной автономии. Тем более калмыки, проживающие вне КАО, с трудом пережили голодное бедствие 1921 г. В одном из отчетов отмечается, что «члены Калмбазаринского уика, представитель УККОВ... нашли условия проживания стесненными, непригодными для жизни: «в 28 землянках живут 54 хозяйства, из них 52 калмыцких хозяйства и 2 хозяйства татар. Всего едоков 191 чел, членов Союза из 54 – 45. Все являются бедняками», которые вынуждены «питаться зародышами изрезанного скота на бойнях. Землянки со своей кубатурой воздуха и света не могут считаться нормальным жилищем для человека» (НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1059. Л. 3).

По словам членов экспедиции, «Калмобласть составляет особый район работ П.К.М.Э., характер работ здесь совершенно отличный от колонизационных работ остальных губерний», тем не менее экспедиция включила Калмобласть в общий район колонизационной работы в Поволжье. Ученые-исследователи, в целях изучения территории области выработали «общий план работ по обследованию, охватывающий всю область во всех отраслях с более подробным обследованием Большедербетовского улуса, как первоочередного к заселению и землеустройству» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 6. Л. 36об.).

Большедербетовский улус, как видим, стал основным намечаемым экспедицией местом переселения калмыков из других российских регионов. В отчете Поволжской Колонизационно-Мелиоративной экспедиции о данном улусе говорилось: «Местность эта имеет характерные естественно-исторические особенности, резко выделяющие ее от всей остальной Калмыцкой области. Представляя из себя Юго-Западную часть области... она по природным условиям является как бы переходом от скотоводческой пустынной области Калмыцкой низменной степи к благоприятным условиям земледелия Кубани. На большом протяжении 90 верст при продвижении от Маныча к Егорлыку, мы встречаем быстро сменяющиеся градации основных условий для земледелия: почвы и климата — от солончаков и бурых почв к каштановым и южным черноземам, от годовых осадков в 300 мм до 425 мм» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 27). Как посчитали члены экспедиции, «прилагаемая почвенная карта указывает... почвенные условия для земледелия мы должны признать благоприятными» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 27об.).

Как отметили члены экспедиции, в Большедербетовском улусе «только в самые последние с 1922 годы в связи с переселением калмыков из русских областей и губерний норма эта (имеется в виду земельная норма обществам и на каждую

мужскую наличную душу — Е. Б.) была сокращена до 12 дес., а потом в 1924 г. и до 10 дес. на едока» (ГАСО, Ф.Р-841. Оп.1. Д.60. Л.28). По словам ученых «максимальное землепользование русское, даже со всей арендной землей, все -таки меньше среднего размера калмыцкого землепользования — после урезки нормы 1924 г. — на 40%» (ГАСО. Ф.Р-841. Оп.1. Д.60. Л. 28об). Несмотря на благоприятные условия для занятия земледелием, калмыки улуса в большинстве своем предпочитали по-прежнему заниматься скотоводством или сдавали в аренду, как в дореволюционное время, свои наделы. В отличие от «местных калмыков», калмыки-переселенцы на выделенных им земельных площадях или арендованных у своих же соплеменников землях, занимались хлебопашеством. При этом, как отмечено в отчете экспедиции, еще до массового организованного переселения калмыков в КАО, т.е. до 1924 г., «калмыки...перешли поголовно на оседлый образ жизни и обзавелись недурными постройками» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 29). Калмыки-переселенцы после прибытия на новое место стали также обустривать свой быт, строить для себя жилища, благо у них имелся неплохой строительный опыт, приобретенный еще в местах прежнего проживания в российских регионах. В Большедербетовском улусе, в момент массового приезда калмыков-переселенцев, «из старожильского населения в 14993 душ, из коих калмыков 7045 душ, к августу 1924 г. прибыло переселенцев 5066 душ, или 33% ко всему коренному населению и 71% к числу калмыков-старожилов» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 32).

В итоге экспедиция пришла к выводу, что «вновь прибывшие калмыки, жившие раньше среди русского населения, вне условий Большедербетовского улуса, расслабляющих хозяйственную активность и трудоспособность, знакомые с земледелием и нередко к нему привычные, отобранные самим фактом переселения, — оказались по бытовым своим особенностям более сильным, более способным контингентом хозяев-земледельцев сравнительно с коренным населением». Члены экспедиции пришли к однозначному заключению, что связанное с переселенцами «уменьшение многоземелья, повышение качественного уровня местных хозяев открывает благоприятные возможности к развитию Края; неизбежный ущерб хозяйства при переселении и вообще очень слабая обеспеченность переселенцев рабочим скотом, орудиями и другим имуществом ставили задачу оказать материальную поддержку им, дабы дать возможность встать на ноги, не превратиться в бесполезных для Края нищих...» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 32об).

По глубокому убеждению ученых-исследователей, «контингент переселенцев — по своей численности и своим свойствам представляют крупную силу, на которую следует опереться при осуществлении задачи создания устойчивого работоспособного земледельческого хозяйства. Ему, а не старожильскому населению, по видимому, будет принадлежать главная роль в этом процессе. Чрезвычайно существенна для новых переселенцев и государственная помощь в возведении построек, в сумме стоимости покупного строительного материала. Выдававшаяся в 1924 г. пособие на семью — всего 30 руб. — оказало громадное влияние на быстрое возведение переселенцами жилья и предотвратило растлевающее влияние расквартирования их по старожильским селам. Экспедицией определен размер пособия на постройку в 75 руб. Всего по Большедербетовскому улусу на поддержание земледелия потребуется — 812690 руб.» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп.1. Д. 60. Л. 34об).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессу организованного переселения групп калмыцкого населения в Калмыцкую область советским государством придавалось большое значение. По убеждению властей, данный процесс виделся им как своеобразная панацея для калмыков других регионов страны от жестокого голода, накрывшего регионы их проживания. По мнению членов экспедиции, организованное переселение должно было стать для автономии «тем фактором, который даст возможность рационально перестроить местное крестьянское хозяйство путем перехода к таким формам ведения хозяйства, которые создадут товарное, рыночное хозяйство, а также придадут этому хозяйству определенную устойчивость, которая позволит данному типу хозяйства бороться с засухой и другими неблагоприятными местными условиями» (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Советское государство, несмотря на трудное экономическое и хозяйственное положение в стране, находило возможность оказания посильной помощи переселенческому населению Калмыцкой автономной области, сконцентрировавшемуся в основном в Большедербетовском улусе. ЦИКом КАО при Большедербетовском улусном земельном управлении была создана переселенческая комиссия, в круг ее обязанностей входили учет переселенцев и их хозяйств, решение вопросов финансового и транспортного обеспечения, предоставления земельных участков новопривывшим и пр.

Союзное и республиканское (РСФСР) правительства предоставили переселенцам долгосрочную ссуду на общую сумму 350 тыс. руб. (ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 59. Л. 43). Осенью 1923 г. и весной 1924 г. гражданам, переселившимся в КАО, была выдана семенная ссуда в размере 200 пуд. ржи, денежная помощь в сумме 37500 руб., 18 тыс. руб. на приобретение строительных материалов (всего выделено государством только по этому решению правительства 60 тыс. руб.). Государственная помощь, всемерная поддержка на местном уровне и простых граждан позволили калмыкам, переселившимся в Большедербетовский улус и в другие улусы КАО, за короткий срок акклиматизироваться в новых для себя местах и активно включиться в дело социально-экономического развития региона.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/> «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX XX) вв.».

Thanks

The study was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of research project No. 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/> «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX XX) centuries».

Литература

- Алексеева, П. Э. (1997). *Станица Граббевская (XVII – декабрь 1943 г.). Исторический очерк*. Элиста: Калм. кн. изд-во.
- Бадмаева, Е.Н., Эрднеева, Б.А. (2022). Природно-климатические условия территории и земле-
деление в Калмыкии (1917-1925). *Genesis: исторические исследования*. 9. 111–122.
- Веселовский, Н. А. (1888). Передовые калмыки на путях к Волге. *Записки Восточного отделения
Императорского Русского археологического общества*. 3. 365–370.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп.1. Д. 60. Л. 31об.
- ГАСО. Ф. Р-841, Оп. 1 Д. 19. Л. 2.
- ГАСО. Ф. Р-841, Оп. 1 Д. 19. Л. 23.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 6. Л. 36об.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 27.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 27об.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 29.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 32.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 32 об.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 60. Л. 34об.
- ГАСО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 59. Л. 43.
- Гучинов, М. И. (1968). Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине
XVII века, *Вестник КНИИЯЛИ*. 3. 43–94.
- Джунджужов, С. В. (2014). *Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские
механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов
XVIII – первая четверть XX века)* / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр
Оренбургского аграрного университета.
- Джунджужов, С. В., Любичанковский, С. В. (2019). Оренбургские и уральские калмыки
в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике.
Вестник Томского государственного университета. № 439. С. 128–136.
- Добромыслов, А. И. (1900). *Материалы по истории России*. Сборник указов и др. документов,
касающихся упр. и устройства Оренбург. края / по арх. документам тург. обл. правл. сост. А. И. Добро-
мыслов. 1. Оренбург: Типография Ф. Б. Сачкова.
- Кринко, Е. Ф. (2019). В составе Калмыцкой автономии versus Донской области: архивные
документы о выборе калмыков Сальского округа в 1920 г. *Бюллетень Калмыцкого научного
центра РАН*. 1. 88–128.
- Максимов, К. Н. (2017). Великая революция 1917 г. в исторической судьбе Калмыкии и ее народа.
*Великая Российская революция в судьбах народов юга России: материалы всерос. науч. конф. (с между-
нар. участием), посвящ. 110-летию революции 1917 г. (г. Элиста 13-14 сентября 2017 г.)*. 14–29.
- Максимов, К. Н. (2016). *Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.)*.
Ростов-на-Дону: Издательство Южного научного центра Российской академии наук.
- Маслаковец, Н. А. (1872). *Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков*.
Новочеркасск.
- Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии*. (1877).
Оренбург: Типография Евфимовского-Мировицкого. Вып. 1.

Митиров, А. Г. (1998). *Ойраты-калмыки: века и поколения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

НА РК. Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 326. Л. 36–41.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1059. Л. 3.

Овчинников, А. (1923). *РСФСР. Центральное статистическое управление. Элементы сельского хозяйства Ставропольской губернии в 1923 г. и методы их исчисления*. Ставрополь: Ставропольское Губстатбюро.

Орлова, К. В. (2005). Образование поселения крещеных калмыков в Ставрополе-на-Волге. *Государственная служба*. 154–160.

Полное собрание законов Российской империи (1830). СПб.

Савельев, Е. (1913). Племенной и общественный состав казачества. Исторические наброски. *Донские областные ведомости*. 170.

Саврушева, К. В. (2019). К вопросу о переселенческой политике в национальных автономиях России 20-х гг. XX в. (на примере Калмыкии). *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2004. 3. 123–127.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР (1943). Москва. 703–704.

Пальмов, Н. Н. (1992). *Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Перспективы колонизационной работы в Поволжье (1925). Выпуск 1-й. Саратов: Сарполиграфром.

Шевченко, С. А. (2019). Калмыцкий след в истории Зимовниковского района. *Донской временник. Год 2019-й*. URL: http://www.donvrem.dsp.ru/Files/article/m1/30/art.aspx?art_id=1695.

Шовунов, К. П. (1992). *Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.)*. Элиста: Калмыцкий институт общественных наук.

References

Alekseeva, P. E. (1997). *Stanitsa Grabbevskaya (XVII-December 1943). Historical essay*. Elista: Kalm. Book Publishing House (in Russian).

Badmaeva, E.N., Erdneeva, B.A. (2022). Natural and climatic conditions of the territory and agriculture in Kalmykia (1917-1925). *Genesis: Historical Studies*. 9. 111–122 (in Russian).

Veselovsky, N. A. (1888). Advanced Kalmyks on the way to the Volga. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 3. 365–370 (in Russian).

GASO. F. R-841. Op.1. D. 60. L. 31v.

GASO. F. R-841, Op. 1 D. 19. L. 2.

GASO. F. R-841, Op. 1 D. 19. L. 23.

GASO F. R-841. Op. 1. D. 6. L. 36v.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 27.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 27v.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 28.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 29.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 32.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 32v.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 60. L. 34ob.

GASO. F. R-841. Op. 1. D. 59. L. 43.

Guchinov, M. I. (1968). On the relations of the Kalmyks with the Don Cossacks in the second half of the 17th century. *Bulletin of KNIYALI*. 3. 43–94 (in Russian).

Junjuzov, S. V. (2014). *Kalmyks in the Middle Volga and Southern Urals: imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-1830s-first quarter of the 20th century)* / Nauch. ed. S. V. Lyubichankovsky. Orenburg: Publishing Center of the Orenburg Agrarian University (in Russian).

Jundzhuzov, S. V., Lyubichankovsky, S. V. (2019). Orenburg and Ural Kalmyks in the transition from the imperial policy of acculturation to the Soviet national policy. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 439. 128–136 (in Russian).

Dobromyslov, A. I. (1900). *Materials on the history of Russia*. Collection of decrees and other documents relating to exercise. and devices Orenburg. edges / according to arch. turkish documents. region rule comp. A. I. Dobromyslov. 1. Orenburg: Printing house of F. B. Sachkov (in Russian).

Krinko, E. F. (2019). As part of the Kalmyk autonomy versus the Don region: archival documents on the choice of the Kalmyks of the Salsk district in 1920. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 1. 88–128 (in Russian).

Maksimov, K. N. (2017). The Great Revolution of 1917 in the historical fate of Kalmykia and its people. *The Great Russian Revolution in the fate of the peoples of the south of Russia: materials of the All-Russia. scientific conf. (with international participation), dedicated to 110th anniversary of the revolution of 1917* (Elista, September 13-14, 2017). 14–29 (in Russian).

Maksimov, K. N. (2016). *Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII – the middle of the XX century)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Maslovets, N. A. (1872). *Physical and statistical description of the nomad camp of the Don Kalmyks*. Novochoerkassk (in Russian).

Materials on statistics, geography, history and ethnography of the Orenburg province (1877). Orenburg: Evfimovsky-Mirovitsky Printing House. Issue 1 (in Russian).

Mitirov, A. G. (1998). *Oirats-Kalmyks: centuries and generations*. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

NA RK. F. R-34. Op. 2. D. 326. L. 36–41.

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 1059. L. 3.

Ovchinnikov, A. (1923). *RSFSR. Central Statistical Office. Elements of agriculture in the Stavropol province in 1923 and methods for their calculation*. Stavropol: Stavropol Gubstatburo (in Russian).

Orlova, K. V. (2005). Formation of a settlement of baptized Kalmyks in Stavropol-on-Volga. *Public service*. 154–160 (in Russian).

Complete collection of laws of the Russian Empire (1830). SPb.

Saveliev, E. (1913). Tribal and social composition of the Cossacks. Historical sketches. *Don Regional Gazette*. 170 (in Russian).

Savrusheva, K. V. (2019). On the issue of resettlement policy in the national autonomies of Russia in the 20s. 20th century (on the example of Kalmykia). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. 2004. 3. 123–127 (in Russian).

Collection of legalizations and orders of the government for 1920. Administration of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR (1943). Moscow. 703-704.

Palmov, N. N. (1992). *Essay on the history of the Kalmyk people during their stay in Russia*. Elista: Kalmyk Book Publishing House.

Prospects for colonization work in the Volga region (1925). Issue 1st. Saratov: Sarpolygraph (in Russian).

Shevchenko, S. A. (2019). Kalmyk trace in the history of the Zimovnikovsky district. *Donskoy temporary*. Year 2019. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/30/art.aspx?art_id=1695 (in Russian).

Shovunov, K. P. (1992). *Kalmyks as part of the Russian Cossacks (second half of the 17th–19th centuries)*. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences (in Russian).